

Я уловил, что он хочет что-то сказать, но не решается: «Ну?»»

«Лян Шэн... кто это?»

Я остолбенел.

С тех пор как Лян Шэн умер, его имя не произносил никто.

Он был мелкой, ничтожной сошкой в паутине дворцовой власти, вороной, что сидела на ветке моего рухнувшего дерева. Умер — и умер, в летописях о нём и строки не останутся, помнить буду лишь я.

Откуда волчонку знать?

Неужели Сяо Лань? Он ведь наслаждается, отнимая у меня тех, кого я любил, — вот и похвастался сыну?

«Откуда ты про него слышал?» — мой голос прозвучал ровно, без единой колеблющейся нотки.

Сяо Ду сидел, упрямо отвернувшись, не желая оборачиваться. Спина его была выпрямлена, будто готовился к бою: «Прошлой ночью... дядя-император были сильно во хмелю... и всё звали какого-то служку этим именем. Он... был вашим любимцем?»

Я замер, тщетно пытаюсь вспомнить, как звал я служку именем Лян Шэн, но в душе утвердился в догадке, что прошлой ночью спас меня именно этот волчонок. Вырвать клык у тигра — надо иметь отваги.

Но что этот юнец видел меня в столь непристойном, пьяном виде... было унижительно.

При мысли об этом на щеках выступил жар: «Всего лишь служка, много лет при мне состоявший.»

Сяо Ду сжал челюсти и на мгновение затих: «Только... служка?»

В его тоне прозвучал упрёк. Я изумился — неужели прошлой ночью я, в пьяном угаре, учинил с тем, кого принял за служку, нечто неподобающее, и волчонок это видел? При этой мысли меня охватили ярость и стыд, и я холодно отрезал: «Служкой он был или нет — дело моё личное. Разве тебе подобает о таком спрашивать?»

«Племянник не смеет.» — голос Сяо Ду охрип. Я ещё не закончил накладывать мазь, как он вдруг поднялся, натянул рубаху. — «Благодарю дядю-императора, что сообразовали навестить. Я устал... дядя-император ещё что-то хотели сказать?»

Ах, да, забыл — волка нужно гладить по шерсти.

Я приподнял бровь, смягчив тон: «Садись. Сидишь ко мне спиной — как разговаривать?»

Сяо Ду не шелохнулся: «Мне... неудобно.»

Тут я, наконец, сообразил, на что он намекает. Его ведь прервали на самом интересном месте, страсть, поди, ещё не улеглась, а после такого испуга и вовсе... Эх, молодость, горячая кровь, силы через край. Я вздохнул и небрежно бросил: «Ладно, сперва разберись со своим делом, не то здоровью повредишь. Я подожду.»

Сяо Ду сжал кулаки по бокам: «Дядя-император...»

Я кашлянул и усмехнулся: «Ну же, иди. Или помочь?»

Сяо Ду замер на миг, словно больше не в силах терпеть. Огляделся, шагнул за ширму у двери, и вскоре оттуда послышалось сдавленное, тяжёлое дыхание. Видно, не хотел, чтобы старший слышал сии постыдные звуки, потому и спешил, и делал всё кое-как. Однако просидел там долго. Я уже начал дремать, когда он наконец вышел.

«Дядя-император, воды.»

Я пребывал в полудрёме, когда его голос раздался у самого уха. Густой мускусный дух, смешанный со специфической мужской вонью после утех, ударил в нос, заставив чихнуть. Перед глазами возникла чашка горячего чая. Я принял её, отпил глоток и поднял взгляд. Сяо Ду уже облачился в меховой халат и сидел с прямой спиной, будто готовясь к лекции придворного учителя, но взгляд упрямо опускал, на меня не смотрел. Я отлично понимал: ему неловко, что я застал его за таким делом. Внутренне усмехнулся — и впрямь, волчонок стыдливый, не похож на тех буйных кочевников, что за стеной обитают.

«Дядя-император, что вы хотели сказать?»

Я поманил его пальцем: «Подойди ближе. Как бы стены уши не имели.»

Сяо Ду нехотя приблизился. Я ухватил его за воротник, притянул к самому уху и, не тратя слов на предисловия, выложил суть: «Слышал, что великий жрец Фэй Янь предлагал твоему отцу назначить тебя наследником?»

Сяо Ду кивнул, понизив голос: «Дядя-император из-за этого пришли?»

Я осторожно испытал почву: «Именно. А у тебя какие мысли?»

Сяо Ду отодвинулся чуть дальше. Капля пота скатилась по его уже обретающему резкость скуловому выступу: «Прошу дядю-императора говорить прямо.»

Я смерил его взглядом — а не кроется ли за внешней суровостью внутренняя слабость? Не боится ли волчонок бороться за трон?

Это было бы весьма досадно.

Я снизил голос до шёпота: «Скажи мне честно: хочешь ли стать наследником, взойти на престол, стать Сыном Неба великого Царства Мянью?»

В зелёных глазах Сяо Ду сверкнуло, зрачки сузились. Я уловил в этом мгновенном изменении отсвет жгучего желания. Уголки губ сами поползли вверх — хочет. Какой принц не хочет стать императором? Такие есть, но их — единицы. Я принялся осторожно подталкивать: «Если впрямь будешь слушаться дядю, я вознесу тебя до самых небес. Станешь Сыном Неба, обретёшь власть высшую — и никто уже не посмеет попирать тебя. Сможешь вершить судьбы, получишь всё, чего пожелаешь.»

«Всё, чего пожелаю?» — переспросил Сяо Ду.

«Само собой.»

Сяо Ду сглотнул: «А... людей?»

Я удивился, но тут же понял. «Людей — тоже. Став сильным, любого получишь.» — я старался не задеть юношеское самолюбие, но любопытство пересилило. Сдержался-сдержался, да не удержался:

— «Дуэр... скажи дяде, кто приглянулся? Я помогу тебе.»

Сяо Ду бросил на меня искоса взгляд, на лице отразилось недовольство, граничащее с гневом: «Дядя-император... не сможете помочь.»

«Что ж... она в задних покоях твоего отца?»

«Дядя-император... узнаете позже.»

«Не хочешь говорить — как знаешь.» — я покачал головой. Юность — пора ранимая, чуть что — заденешь за живое. Потому я свернул тему:

— «Впредь старайся сблизиться с Фэй Янем исподволь, без лишнего шума. Наведывайся почаще в Храм Богини у западных городских ворот — молиться, вопрошать оракула. Фэй Янь часто там бывает. Усерднее тренируйся в катании на льду, постарайся вновь отличиться на весеннем жертвоприношении. Если что будет непонятно — приходи ночью. И будь настороже с Сяо Юем. Впредь веди себя осмотрительнее, отца больше не гневи, старайся делать лишь то, что ему по нраву.»

Сяо Ду кивнул: «Наставления дяди-императора племянник в сердце сохранит.»

Я улыбнулся. Недалёкость — не беда. Главное — чтобы желания были и чтобы слушался.

«Понравилась ли тебе подвеска, что я подарил?» — я с наслаждением отхлебнул чаю. — «Это моя нательная вещица. Моя покойная матушка вымолила её для меня в Храме Богини. Носил я её десять лет. А теперь дарю тебе — оберегать будет, от зла защитит. Если прожилки на ней потемнеют — значит, беда близко, будь тогда настороже.»

Сяо Ду замер, вынул подвеску из-за пояса, сжал в ладони: «Такую... важную для вас вещь... вы отдали мне?»

Я-то знал, что этот щенок, наверное, сейчас тронут до слёз. Хотя для меня это была всего лишь безделушка, не более. Но вслух произнёс: «Береги её. Смотри не потеряй.» — затем взглянул в окно, где уже серело небо. — «Ну, скоро рассвет, мне пора.»

Я поднялся с ложа, но в глазах потемнело, закружилась голова. Сяо Ду стремительно подскочил и поддержал меня. И в тот же миг снаружи донёсся стремительно приближающийся топот шагов, вот они уже у самой двери, и тонкий, пронзительный голос просочился сквозь створки:

«Пятый принц! Государь жалует в Северные покои!»

Сердце моё ёкнуло. Сяо Ду среагировал мгновенно. Он припал к моему уху, прошептал: «Дядя-император, простите великодушно!» — подхватил меня, взгромоздил на ложе, накрыл с головой одеялом, распустил мои волосы, раскидав их по подушке, сам скинул халат и юркнул под одеяло рядом. От всех этих манипуляций меня затряс кашель. Я попытался подавить его, открыл рот — но он резко прикрыл мне ладонью уста и принялся, весьма правдоподобно, изображать звуки страстного соития. Мне так и хотелось придушить этого волчонка, но в столь критический момент ничего не оставалось, как играть по его сценарию.

«Пятый принц?» — евнух за дверью позвал.

Сяо Ду не отвечал, лишь учащённо и грубо дышал, раскачивая ложе так, что то скрипело и стонало. Звуки были откровенно непристойными. Евнух, видимо, разглядел что-то через щель и стремительно ретировался. Лишь тогда Сяо Ду убрал ладонь с моего рта и помог слезть с ложа.

Не успел я переступить порог опочивальни Сяо Ду, как с другой стороны показался Сяо Лань.

<http://bllate.org/book/15952/1426287>